Текст · 30 сентября 2026, 10:37
Павел Васильев,

Суд в Тбилиси оставил в силе приговор россиянам Грибулю и Зиновкиной. Они утверждают, что им подбросили наркотики за участие в протестах

Тбилисский апелляционный суд оставил в силе приговор россиянам Анастасии Зиновкиной и Артему Грибулю, которых осудили на 8,5 года по делу о хранении наркотиков. Их задержали в декабре 2024-го на фоне массовых протестов в Грузии. Оба утверждают, что найденные у них свертки подбросили полицейские, и указывают на многочисленные противоречия в материалах дела. Суд первой инстанции при этом не принял часть доводов защиты: например, не приобщил к делу видео с задержанием и признал «нейтральными свидетелями» переводчиц, которые обедали с полицейскими, а затем присутствовали при досмотрах россиян. «Медиазона» напоминает, как Зиновкина и Грибуль оказались в Грузии, почему стали ходить на протесты и на чем строилось обвинение против них.

«Что обычно говорят в последнем слове? "Я не виновен!", да? Я об этом говорить вообще не буду», — так 13 июля 2026 года программист Артем Грибуль начал выступление в Тбилисском апелляционном суде.

В сентябре 2025 года суд первой инстанции приговорил Грибуля и его невесту Анастасию Зиновкину к 8,5 года лишения свободы по делу

о хранении наркотиков в особо крупном размере. Позже пара обжаловала приговор.

Вместо того чтобы снова говорить о своей невиновности, 26-летний Грибуль в апелляционном суде назвал тех, кого считает на самом деле ответственными за их заключение: «Мне и Анастасии подкинули наркотики бандиты на службе в ЦКПД[1]. И они в этом виновны. Они же на пару с переводчиками сфальсифицировали доказательства и лгали в суде. И они в этом тоже виновны».

Заседание в тот день началось с путаницы. Переводчицу, которую ждали на процессе Грибуля и Зиновкиной, по ошибке направили в другой суд, а к россиянам пришла ее коллега. Слушание тем не менее откладывать не стали. Через 40 минут переводчиц поменяли, но они обе часто сбивались и ошибались, писал правозащитный проект *Apus*, адвокаты которого защищают россиян. Когда Грибуль разбирал расхождения в словах свидетелей о цвете куртки, которая была на нем в день задержания, он обратился к судьям и слушателям: «Забавно, не правда ли?». Переводчица не стала переводить вопрос и ответила ему сама: «Да. Забавно».

В фальсификации доказательств Грибуль обвинил не только полицейских: прокуратура, по его словам, «закрывала глаза на очевидные противоречия», а судья, выносившая приговор, проигнорировала признаки подделки документов и «прямую ложь» свидетелей.

«Это преступный приговор. Его можно вынести, только если ты — соучастник. Все эти преступники

на свободе. А мы с Анастасией уже полтора года в тюрьме», — сказал он в своем выступлении.

30 сентября с последним словом выступила Зиновкина. «По справедливости за все, что со мной произошло и происходит, кто-то должен заплатить очень большую цену», — сказала она. После ее выступления Тбилисский апелляционный суд оставил приговор россиянам без изменений, сообщает *Paper Kartuli*.

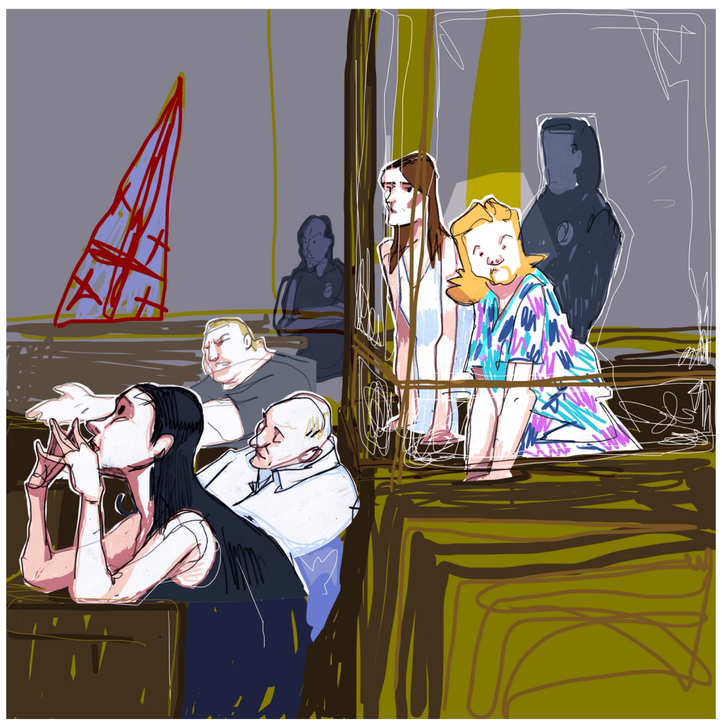

Иллюстрация: Валерий Белов

Знакомство в Ереване

Анастасии Зиновкиной 32 года, она родилась в Петербурге. После школы поступила в колледж на отделение иностранных языков и училась на преподавателя английского. В 2012 году она бросила учебу, летом поехала волонтером в Крымск помогать пострадавшим от наводнения, а потом перебралась в Москву.

В активистских кругах у Анастасии появилось прозвище Топор. Девушка регулярно участвовала в протестах. К примеру, 9 мая 2013 года вместе с единомышленниками перекрыла Тверскую улицу баннером «Смерть кремлевским оккупантам», за это получила 15 суток ареста и объявила голодовку в

спецприемнике. Год спустя девушка вышла на акцию в поддержку медиков и педагогов и снова оказалась в спецприемнике, где и встретила Новый год.

В разные годы Зиновкина была связана с левыми оппозиционными движениями и работала координатором депутата от КПРФ Сергея Обухова.

Уличной политикой в России активистка занималась почти десять лет, избежав при этом уголовных дел и тюремных сроков. Позже из тбилисского СИЗО Анастасия с иронией писала[2] об этом: «Забавный факт — но то, что я стала политзеком не в тот момент жизни, когда активно занималась политикой, эта неотвратимость, почти как судьба, блин. Сделав ничего, я стала частью истории — попала в ряд одинаковых политически мотивированных историй».

В 2022 году Анастасия уехала в Тбилиси. В письме *Paper Kartuli* она объясняла, что главной причиной эмиграции стали проблемы со здоровьем: в России не оказалось нужных ей лекарств для лечения спины. «Не страх заставил меня уехать, а желание выжить», — писала она.

В 2023 году она поехала в Армению на визаран, но обратно в Грузию ее не пустили. Девушка осталась в Ереване, где в феврале 2024 года познакомилась с Артемом Грибулем. В России он участвовал в антивоенных протестах, а потом переехал в Армению.

Грибуль руководил исследовательской командой в *IT*-стартапе и разрабатывал технологию синтеза речи, рассказал «Медиазоне» Станислав[3], работавший с

Артемом в одной команде. Бывшего коллегу он описывает как интроверта и домоседа, который после рабочего дня предпочитал читать научные статьи. Иногда, по словам Станислава, Артема было невозможно вытащить даже на корпоративные встречи.

16 февраля 2024 года, в день смерти Алексея Навального, у российского посольства в Ереване появился стихийный мемориал; Грибуль помогал за ним присматривать и там познакомился с Зиновкиной. Вскоре у них завязались отношения, а в октябре 2024-го пара переехала в Тбилиси — на этот раз Анастасию пропустили через границу.

Надолго оставаться в Грузии Артем и Анастасия не планировали: уже в январе 2025 года они собирались переехать в Аргентину и даже купили билеты на самолет.

Протесты в Тбилиси

Первые недели в Тбилиси Зиновкина и Грибуль много времени проводили дома: она готовилась к новому переезду, а он работал. В Грузии в это время нарастало напряжение из-за предстоящих парламентских выборов. Как-то незадолго до дня голосования Грибуль поспорил на улице с агитаторами из правящей партии «Грузинская мечта». По его словам, конфликт произошел из-за предвыборного плаката. Этот эпизод россиянин позже назовет одной из возможных причин уголовного преследования.

На выборах 26 октября в итоге победила «Грузинская мечта», находящаяся у власти 12 лет. Оппозиция результаты голосования не признала, и в стране начались протесты, к которым вскоре присоединились и Грибуль с Зиновкиной.

Еще больше людей вышли на улицы после того, как 28 ноября премьер Ираклий Кобахидзе объявил, что Грузия прекращает переговоры о вступлении в ЕС до конца 2028 года. Полиция разгоняла протестующих водометами и слезоточивым газом.

«Новостей на русском языке о происходящем в стране было мало, — вспоминала[4] Зиновкина. — Мы почти не выходили из дома, но однажды я поехала к врачу, и реальность ворвалась в мою жизнь».

По ее словам, в тот день она увидела, как один из силовиков наступил на лежащую на асфальте девушку, а затем «пнул ее изо всех сил в грудь и побежал дальше». Зиновкина отвела пострадавшую в кафе и вызвала ей скорую. После этого она и Грибуль стали приезжать к парламенту Грузии по вечерам.

«Я был на Руставели, когда после украденных выборов они решили украсть и европейское будущее у всей страны, — цитирует *Apus* выступление россиянина в суде. — Я был там, когда полиция избивала и травила газом несогласных. Я пытался помочь, как мог, свободным людям в борьбе за их будущее».

Артем и Анастасия раздавали бинты, маски и салфетки, покупали протестующим воду, чай, печенье и пластыри. Однажды Зиновкина отдала бармену в кафе у парламента все деньги, которые

были у нее с собой, чтобы тот бесплатно наливал чай тем, кто зайдет погреться. Позже девушка объясняла, что на протесты ее привел в том числе «мучительный стыд за своих соотечественников», которые обжились в Грузии, но остались равнодушны к происходящему в стране.

Иллюстрация: Валерий Белов

Задержание

Зиновкину и Грибуля задержали вечером 17 декабря 2024 года у выхода из магазина *Ori Nabiji* в тбилисском районе Сабуртало; незадолго до этого пара расплатилась с хозяйкой квартиры за аренду и собиралась на такси за продуктами. Полицейские схватили их, а потом рассадили по разным машинам.

«Неожиданно меня схватили сзади за руки и прислонили к ближайшей машине. Я слышал, что с Анастасией в нескольких метрах от меня происходит то же самое. Мне сказали, чтобы я не дергался. Что это полиция», — рассказывал россиянин в суде.

В машине у него забрали телефон и ключи от квартиры, после чего около получаса полицейские ждали следователя и переводчицу. Когда те приехали, Грибуля обыскали повторно — и на этот раз достали

из кармана куртки четыре свертка, обмотанных изолентой.

Полицейские вскрыли их на месте — внутри оказался порошок. Грибуль сразу сказал, что свертки не его, но переводчица, по его словам, почти ничего не переводила и вместо этого уговаривала его подписать протоколы, утверждая, что в противном случае ему грозит пожизненное заключение.

В это время в другой машине Зиновкину обыскивали и угрожали избить и изнасиловать. По словам активистки, с нее сняли сумку и пальто, забрали телефон и начали говорить по-русски: «Не нужно было на митинги ходить», «Пошевелишься — въебу», «Хуем накажу».

Обыск в съемной квартире, где жила пара, полиция провела в тот же вечер. Самих россиян там не было: оба к этому времени уже находились в отделении ЦКПД. Дверь полицейским открыла хозяйка квартиры. Позже, уже в коридоре изолятора, куда россиян поместили под арест, Грибуль увидел Зиновкину. Она крикнула, что ей подбросили наркотики. «Мне тоже», — ответил он.

Другие дела и несостыковки

Обвинение против Зиновкиной и Грибуля строится на показаниях полицейских и двух переводчиц, протоколах досмотра и результатах экспертиз. Поводом для задержания россиян стала «оперативная информация» от конфиденциального источника — по схожей схеме начинались и другие уголовные дела против участников протестов.

За две недели до Анастасии и Артема в Тбилиси по обвинению, связанному с наркотиками, задержали россиянина Антона Чечина. Он переехал в Грузию в 2022 году, там участвовал в протестах против закона об «иноагентах» и незадолго до ареста рассказывал, что на одной из акций его уже задерживали и угрожали избить, если он продолжит ходить на митинги.

3 декабря 2024 года Чечина задержали по статье о хранении наркотиков. При обыске его дома полицейские запрещенных веществ не нашли.

Всего в декабре 2024-го по аналогичным обвинениям задержали шестерых участников протестов, включая Зиновкину и Грибуля. Троих граждан Грузии — врача Гиорги Ахобадзе, Тедо Абрамова и журналиста Николоза Кациа — суд впоследствии оправдал. Чечина же приговорили к 8,5 года лишения свободы, а весной 2026-го апелляционный суд оставил приговор в силе. Прокурор Нугзар Читадзе, выступавший на нескольких из этих процессов, утверждал, что связи между изъятием наркотиков и участием обвиняемых в акциях нет.

Грибуль с этим не согласен. В суде он вспоминал и свою ссору с агитаторами «Грузинской мечты»,

и беседу с полковником полиции в отделе, куда его доставили после задержания. По словам программиста, о наркотиках тот не спрашивал: его интересовало, организовывал ли Грибуль акции протеста и финансировал ли их. «Кому же вы перешли дорогу?» — спрашивал полицейский.

В кармане куртки Грибуля силовики нашли четыре свертка, а в квартире пары — весы и зип-пакеты. Всего полицейские отчитались об изъятии 16 граммов альфа-*PVP*; особо крупным размером в Грузии считается 1 грамм. На изоленте, которой были обмотаны обнаруженные свертки, эксперты позже обнаружили ДНК Грибуля.

«Эти свертки собирали полицейские заранее, а ДНК наносили потом на поверхность», — считает Грибуль. Он предполагает, что для этого полицейские использовали стакан, из которого по их предложению он пил воду в отделе.

ДНК Зиновкиной не нашли ни на одном из свертков. Суд счел, что ее вину подтверждают показания полицейских и двух переводчиц, присутствовавших при задержании и выступивших в качестве «нейтральных свидетелей».

По грузинскому законодательству достоверность обыска, проведенного на основании оперативной информации, должна подтверждаться доказательствами, независимыми от показаний проводивших его полицейских. Таким доказательством суд посчитал показания переводчиц, приехавших на место задержания россиян. Однако уже на процессе выяснилось, что обе были знакомы

с сотрудниками полиции и вместе с ними накануне обедали.

Грибуль также указывал на расхождения во времени задержания: у защиты есть чек, согласно которому в 17:47 сервис *Bolt* списал с карты Зиновкиной деньги за отмененную поездку. «В этот момент мы с Анастасией уже сидим внутри полицейских машин, и нам уже подкидывают наркотики», — говорил он. При этом в протоколах начало личных обысков указано в 18:15 и 18:16. Чек об отмене такси к материалам дела в итоге не приобщили.

Не приобщил суд и записи с камер наблюдения, установленных у магазина, хотя адвокаты россиян просили об этом несколько раз.

Вопросы защиты вызывает и видео обыска квартиры: съемка начинается уже после того, как полицейские вошли внутрь. В какой-то момент становится видно, что кто-то изнутри открывает запертую дверь туалета, однако оператор в этот момент отводит камеру, и этот человек в кадр не попадает.

Есть расхождения и в других материалах: на видео найденные при обыске весы — без крышки и со следами белого вещества, тогда как на фотографиях из экспертного заключения крышка на них уже есть.

Досмотр Зиновкиной и Грибуля при задержании на видео не снимали. Полицейские объяснили это тем, что задержанные «сопротивлялись».

«Я не сомневаюсь, что можно подкинуть наркотики так, чтобы мы никогда в жизни не доказали бы, что

они не наши. Но, честно скажу, у нас не этот случай», — говорил Грибуль в последнем слове в городском суде.

Иллюстрация: Валерий Белов

Почти два года в заключении

12 сентября 2025 года судья Тбилисского городского суда Нино Галусташвили приговорила Зиновкину и Грибуля к 8,5 года лишения свободы. Дочитать последнее слово она не дала ни одному из них, а приговор, как писала *Paper Kartuli*, «протараторила». В знак протеста пара несколько дней держала голодовку.

Еще в суде Анастасия рассказывала о проблемах со здоровьем и отсутствием, по ее словам, медпомощи в заключении. Спина у нее болит с детства. При задержании, утверждает Зиновкина, ей сказали: «Ты будешь умирать, кричать от боли, и к тебе ни один доктор не подойдет».

«За девять месяцев меня не смогли нормально диагностировать. У меня болит спина, у меня немеют руки и ноги. Я стою на судах, потому что боюсь, что у меня защемит позвонок, шею, и я упаду и не встану», — говорила она судье перед приговором.

29 октября 2025 года Зиновкина, по ее словам, восемь часов не могла пошевелиться, а врач предложила ей лишь «обезболивающее посильнее, которое есть у психиатра». В переводе в гражданскую клинику Анастасии отказали. В июле 2026 года в тюремной аптеке закончились обезболивающие, а лечение возобновили только после визита адвоката. Пенитенциарная служба утверждала, что необходимую медицинскую помощь россиянка получает.

Зиновкина содержится в женской тюрьме, примерно в 30 километрах от Тбилиси. «Напротив моей камеры — камеры девочек уже осужденных, за убийство, одиночки. <ÿ.ÿ У меня стены зеленые, три кровати, стол, скамья, три тумбы — три девочки в камере и нельзя вешать рисунки», — писала она весной 2025 года.

В январе 2026-го Анастасию перевели в одиночную камеру и ограничили ей звонки и свидания. Ее мать, собравшуюся навестить дочь в тюрьме, грузинские пограничники в страну не пустили.

Грибуль находится в тюрьме № 8 в тбилисском районе Глдани на закрытом режиме. Это значит «сидеть в камере целый день, как в СИЗО», объяснял он в письме. При этом Грибуль шутил, что швабра с двумя-тремя пакетами бутылок — «неплохая гантеля», просил присылать учебники и собирался копить на *PlayStation*. Уже во время апелляции на приговор Грибуль говорил, что в камерах тюрьмы темно и полно тараканов и клопов.

В апреле 2026 года его, Чечина и еще одного заключенного оштрафовали из-за игры в карты в тюрьме, а весной Грибулю ограничили звонки и свидания.

Зарегистрировать брак Анастасии и Артему не разрешают.

Тбилисский апелляционный суд начал рассматривать их жалобу на приговор в ноябре 2025 года. В феврале 2026-го он отказался повторно допросить свидетельниц-переводчиц.

Во время выступления в суде Грибуль рассказал-, что в июне прокурор Нугзар Читадзе подошел к его адвокату Дарье Самодуровой и спросил: «Твои русские не хотят процессуальное соглашение?». Самодурова ответила, что ее подзащитные невиновны. Тогда, по словам Грибуля, Читадзе сказал, что всем на это «все равно».

Обращаясь к прокурору уже в зале суда, Грибуль сказал: «Я понимаю, что вы очень-очень хотите наше признание вины и надеетесь, что это снимет с вас и ваших друзей из ЦКПД ответственность за совершенные вами преступления. Мечтать не вредно!».

Зиновкина в последнем слове 30 сентября повторила, что ее преследуют за медпомощь участникам митинга. Обращаясь к прокурору, она сказала: «Я слышала от людей, что вы хороший мальчик. Но у таких руки бывают по локоть в крови».

Редактор: Мария Климова

1. Central Criminal Police Department (Центральный департамент криминальной полиции).
2. Копия письма есть в распоряжении «Медиазоны».
3. Имя изменено по его просьбе.
4. Цитата приводится по письму активистки из СИЗО. Копия письма есть в распоряжении «Медиазоны».